

Человек и война

Худякова Татьяна

Дипломант Всероссийского конкурса
«Человек в истории. Россия – XX век»

2006 г

Я долю свою по-солдатски приемлю.
Ведь, если бы смерть выбирать нам, друзья,
То лучше, чем смерть за родимую землю,
И выбрать нельзя!

Надпись на памятнике.

Страшное зло, именуемое войной, совершается не по воле людей, а по воле того, кто руководит людьми и мирами. И прав был Л.Н.Толстой, когда писал: «Война... противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие».

На протяжении веков в истории многих государств и их народов проходили войны, которые всегда приносили невосполнимые потери: ведь война – это всегда боль, кровь, разрушения, смерть...

О кровавых страницах истории написаны книги, поставлены кинофильмы, собраны в мемуарах воспоминания участников и очевидцев. Много слов было сказано и о войне в Афганистане. Проходит время, но не стихает боль утрат – ведь там погибли наши русские ребята.

Более того, усиливается мучительное переосмысление того, что произошло в Афганистане. Наша страна стала другой, пройдя через эту войну, но поиск ответов на вопросы продолжается: кому нужна была эта война? Как относиться к ней и её участникам? Кто виноват?...

Антипенский Виктор Николаевич – участник Афганской войны. Он вспоминает: «И вот наступил тот самый день, который перевернул всю мою жизнь. В декабре 1979 года нам сообщили «радостную» весть о том, что самых выносливых и здоровых деревенских ребят переводят в другую часть. Вначале нам было интересно и мы гордились, что именно мы едем помогать дружественному народу Афганистана... Сначала нас было 28 человек. В Сухуми – уже 150, а в Уч-Кизиле – 350. Нас привезли на полигон, и начались трудные будни. Иногда мы не спали по четверо суток, иногда за целые сутки могли поспать два или три часа...»

Книги, статьи об афганской войне полны прямо противоположных оценок. Ещё не раз нашей стране придётся обращаться к этой проблеме. А первые публикации, последовавшие за долгим молчанием, говорили о выполнении интернационального долга нашими солдатами. Очерки о мужестве, героизме, о любви к родине, о преемственности поколений – все в розовых тонах. В пропагандистском задоре наших мальчишек изображали такими суперменами, которые прошли сквозь кровь и ужас войны и вернулись, как ни в чем не бывало.

Вспоминает Виктор Иванович Антипенский:

«Спустя некоторое время мы начали задумываться: «А зачем мы здесь? Что вообще здесь делаем? Какую функцию выполняем?» Но наше дело было выполнять священный интернациональный долг и не задавать никаких вопросов...»

Пришел командир и сообщил, что через три дня выезжаем. Поначалу было интересно, а потом... Уехали за сто километров от базы... В одном из кишлаков засела банда духов. Разложив боеприпасы, мы ждали сигнала. Сначала предложили выйти женщинам, детям и старикам. Те, кто остался и не вышел, должны были умереть... Мы знали, что выполняем священный долг и должны быть на высоте. Перед боем все ребята веселились и шутили, но у

всех не выходила из головы одна и та же мысль: «Что же сейчас будет?» Мы должны были преодолеть тот психологический барьер, который возник...

Начался бой. По рации сообщили, чтобы к командиру подошли четыре человека...

Была дрожь в ногах, мы не чувствовали даже тех ста грамм водки, которые были выпиты для храбрости. Гудела земля, летали вертушки... Был дан приказ: «Стрелять! Если вы хотите приехать домой живыми, а не в цинковой одежде!» первый бой был самый страшный... Операция прошла удачно, все остались в живых...»

Постепенно углублялось видение афганской войны, появились темы, которых нельзя было раньше касаться, потому что никто об этом не говорил и не писал.

У военных появился новый термин: «черный тюльпан». «Черный тюльпан» - это воздушный транспорт, предназначенный для «груза 200», т.е. для вывоза из Афганистана погибших воинов – интернационалистов. Цинковые гробы, р о которых с 1979 года говорили шепотом, все чаще и чаще появились в крупных городах и отдельных селах.

Вспоминает В.Н.Антипенский:

«Через день мы уехали на базу. По дороге все молчали: кто-то вертел в руках спичечный коробок, кто-то нервно дергал ногами. На войне было всё по-другому; то, что говорили нам на полигоне, оказалось просто словами... мало кто разговаривал, смеялся. Так начался перелом нашего сознания. Мы понимали: если бы воевали на своей территории, за свою землю, то жертвы были бы не напрасны. Это было непонятно... Разговаривая с товарищами, получалось, что наши мнения совпадали. А мнение было такое: «»Политики что-то не поделили, а расплачивается солдат, т.к. он действует по приказу и у него один выбор: либо убить самому, либо умереть». Наше состояние никого не волновало. Психологически это было очень тяжело. Мы задумывались о том, почему другим можно было свободно ездить, ходить везде, а нам было запрещено даже говорить, кто мы. И мы говорили, что мы солдаты 1-го мотострелкового батальона 122 стрелкового полка. В связи с этим позднее произошел один казус. Когда мы ехали на базу, то встретились с другими солдатами, которые ехали в противоположную сторону. «Земляки есть, мужики? Откуда вы?» «Мы с первого мотострелкового батальона 122 стрелкового полка». У ребят округлились глаза... После паузы: «Мужики, такого не может быть! Мы с 122 полка, и у нас таких нет». Мы молча залезли в машины и поехали...»

«В целом это хорошие, крепкие ребята, и никакого «афганского синдрома» не существует», - так писал А.Проханов в статье «Афганцы после Афганистана». Но это неправда. Необходимо признать прежде всего то, что они выполняли свой долг там, в чужой стране. И не должна ответственность за войну ложиться только не тех, кто был в Афганистане. В памяти людей старшего поколения живы приговоры Нюрнбергского процесса, согласно которому выполнение преступных приказов делало преступниками и тех, кто отдавал эти приказы, и тех, кто их исполнял. В применении к Афганистану это без малого миллионы военных и штатских людей. Правду скрывали: старое обмундирование, нехватка медикаментов и продуктов, страшные военные будни, в которых были и наркотики, и спекуляция...

Замполит напутствовал солдат, возвращающихся домой, что надо говорить, потому что мы большая, сильная и морально здоровая армия.

В. Н. Антипенский вспоминает:

«Время шло, приближался дембель...»

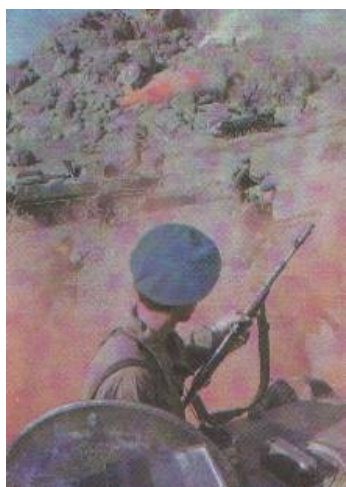
Кто-то стал профессиональным убийцей, кто-то хорошим стрелком или водителем. Про гражданскую жизнь почти не говорили, только когда приходили письма из дома. А так все больше не военные темы: кто как владеет ножом или штыком или не связанные с войной темы.

Это нас убедило, что мы стали мыслить по другому, что-то внутри подломилось, перевернулось... После войны, во время переписки, я узнал, что многие ребята отсидели не один срок, кто-то спился, кто-то стал употреблять наркотики. Мы все очень сильно изменились с того страшного времени. Наша жизнь как бы разделилась на две части: до Афгана и после...»

А между этим «до» и «после» был Афганистан: бои, минные ловушки, подрывные ранения, смерть ребят, жестокость, с обеих сторон, героизм, сострадание, дедовщина, ненависть, месть, страх, калеки, безнаказанность, ложь... Ты между жизнью и смертью, и в твоих руках чья-то жизнь... Для тех, кто не был на этой войне, считать её преступной проще и естественней. Для тех, кто там был, признать преступной часть своей жизни невозможно. И не понимать этого – тоже преступно. Попытка же переложить вину только на тех, кто там был, будет «ложью во спасение».

В. Н. Антипенский вспоминает:

«И вот однажды произошёл тот случай, который потряс нас до глубины души. Это была первая потеря нашего товарища. И дальше таких потерь было много.

...Мы ехали после очередного боя на базу и нарвались на противотанковую мину. Мина сработала на пятой машине. Мы даже не сразу поняли, что случилось... Машины в колонне резко остановились. По радиации нам приказали от машин далеко не отходить, в случае опасности стрелять на поражение...

Когда потом мы подошли к началу колонны, то увидели следующее: БТР стоял уже без башни, левого переднего колеса не было, ступица оплавлена, верхние и боковые люки десанта открыты... К счастью, водитель, командир и ещё пять человек десанта остались в живых, получив небольшие контузии и царапины; почти неделю они ничего не слышали, а потом говорили, что в ушах стоял гул и звон...

У водителя под сиденьем была дыра примерно в два кулака... Он чудом остался жив. Из ушей текла кровь, а из глаз – слёзы радости от того, что остался жив... Оператора – наводчика не было. Мы бросились искать его, но, облавив всё кругом, потратив два часа, так и не нашли. От него ничего не осталось...

В этот момент мы готовы были разнести все на своем пути... развернувшись в боевой порядок, пошли прямо на кишлак... За полчаса стерли его с лица земли... Я не знаю, как это объяснить, но у нас была такая злоба... По приезде на базу сразу легли спать...

После этого случая мы просто стали убийцами. Тот оператор-наводчик был совершенно незнакомый нам человек, он просто был солдат... Но он был наш боевой товарищ...»

Война некрасива, безобразна, безнравственна, страшна. Она несет плен, смерть и разрушения.

Какой мерой измерить всю глубину человеческих страданий, которые приносят война?! А жестокость... Жестокость в Афганистане была проявлена с обеих сторон. А были ли у наших солдат сомнения: стрелять или не стрелять? Поражает, что об этом потом почти никто не думал...

В. Н. Антипенский вспоминает:

«Второй случай тоже очень хорошо запомнился мне... Погиб наш земляк с Лисок. Вася Бурлаков. Ему было всего 19 лет. Его ждала мать, девушка... День 12 сентября я запомню на всю жизнь.

...Шла очередная операция. Бой длился очень долго. Было много раненых и тяжело раненых. Прекратился бой только с наступлением темноты, но это будет позже, а пока стрельба была ужасная, затихала только на несколько минут, чтобы зарядить автомат или достать ещё гранат... Свист пуль, крики людей и животных – все перемешалось... В этом

страшном бою и погиб Вася Бурлаков. Пуля попала в голову, по всей видимости, разрывная, разнесла всю заднюю часть черепа, вырвала кусок металла из каски... Он недолго мучился...

Вернувшись на базу, мы долго сидели и молчали, не брал ни крепкий чай, ни выкуренные сигареты. Каждый думал о чем-то о своём. А в душе – боль, печаль и ненависть...

До приказа на дембель оставалось примерно два месяца. Но так считали мы и наши командиры. Позже я узнал, что через неделю команда пойдёт в Союз, а это значит, что придет замена. Но наша радость была преждевременной: пополнение не прибыло, а объяснили это тем, что оно как следует не подготовлено.

Для нас эта война ещё продолжалась.. Прошёл месяц, другой. В один из дней нас подняли по тревоге, а это значило одно: опять бой. Как выяснилось, духи украли 16 наших специалистов, строивших мукомольный комбинат. И начались опять мытарства и поиски. Остаток дня и последующие дни и ночи мы гоняли по городу и кишлакам в поисках, пока не наткнулись на одну из автотрасс. Здесь и нашли брошенный автобус... Мы поняли, что наших специалистов увели в горы...

Когда месторасположение банды было обнаружено, начались переговоры, которые ни к чему не привели. Решение было штурмовать ущелье... В ходе штурма по освобождению заложников от двухсот солдат-десантников вечно молодыми осталась четвертая часть, остальные были тяжело ранены, контужены...

В ущелье мы увидели ужасную картину. Из 16 человек в живых осталось шестеро. У них лицо и тело было больше похоже на окровавленную массу. Между собой заложники были скованы цепью, их ноги растерты в кровь. Все они были в таком состоянии, что передвигаться сами практически не могли...

Так закончилась очередная боевая операция

...А потом приехало пополнение – наша замена. Когда мы их увидели, то сразу же вспомнили себя, потому что были молодые ребята такие смешные, неуклюжие; у них так же тряслись руки, и стреляли они очень плохо: в мишени на стрельбах не попал никто... Мне было их искренне жаль...

Ночью 27 февраля нас через границу привезли в Термез. Радости не было предела. Впереди – Союз, встреча с родными, любимыми, близкими...»

Возвращались наши ребята с Афганистана с надеждой, что дома их ждут с распростертыми объятьями. И вдруг открытие – никому не было интересно, что они пережили. Получалось, что многие погибли зря. Говорили: жертвы политической ошибки... Спешили, чтобы опередить американцев, чтобы взамен исконных порядков насадить свои. Но если даже отдельный человек не имеет права решать судьбу другого (вспомним Л.Толстого, Ф.Достоевского), то как можно, утопив в крови, сделать счастливым народ, у которого своя религия, иная культура? Вопросы, вопросы...

И правда об Афганистане может складываться из полифонии разных точек зрения, основанных на реальном знании и осмыслении виденного и пережитого.

«Прошло 23 года с того момента, когда я со своими боевыми товарищами

покинул эту негостеприимную землю. Много воды утекло. Изменились мы, изменилось время, общество, изменились взгляды на жизнь... Я понял: война, любая война – бессмысленна и жестока...», - говорит В.Н.Антипенский.

Антипенский Виктор Николаевич проживает в селе Хреновое и приходится мне отчимом. Иногда он ходит по дому из угла в угол и просто не понимает, где он находится. Иногда он произносит вслух имена тех ребят, с которыми воевал в Афганистане. Каждый год, когда приближается очередная годовщина возвращения с войны, мы устраиваем дома вечер воспоминаний. И в этот день у Виктора я замечала и ненависть к тем, кто допустил эту войну, и радость от того, что остался в живых, и немой вопрос: почему и зачем я остался жить?

Война многих калечит. Не только физически, но и морально, психологически. Ведь годы, проведенные на войне, просто так не выкинешь из жизни, не забудешь.

Говорят, что в мире есть два отношения к истине: познание истины или побег от неё. Я предлагаю первое – рассказать правду об афганской войне сотнями голосов её очевидцев. Это будут голоса горькой, испепеляющей правды, которую надо понять. И принять если мы хотим остаться людьми.